Литературный и естественный текст:

В комнате с тусклым освещением, заставленной причудливыми инструментами и ингредиентами, мужчина сосредоточенно трудился. Он был полностью погружен в свою работу, его руки двигались с отточенной грацией, он смешивал, отмерял и соединял различные элементы.

Это был Представитель семьи Альвериан в Секторе-4, одной из влиятельнейших семей в человеческих владениях - Торн Альвериан. У него были ярко-рыжие волосы, ниспадающие на лоб, придавая его лицу дикий и необузданный вид. Частично скрывая взгляд своими волосами, он, казалось, усиливал интенсивность своих сапфировых глаз, которые пронизывали завесу неопределенности острым, проницательным блеском.

В то время как Равенстайны строили свое наследие на поле боя, Альверианы вылепили свое владычество с помощью тайного и загадочного искусства алхимии. В своих скрытых анклавах и хорошо охраняемых лабораториях они управляли самой сущностью элементов, чтобы создавать эликсиры невообразимой силы.

Перевод на русский язык:

Глава 20: Новости

В тускло освещенной комнате, заполненной множеством сложных инструментов и ингредиентов, человек тщательно выполнял свою работу. Он был полностью сосредоточен, его руки двигались с отработанным изяществом, когда он смешивал, измерял и соединял различные элементы.

Этот человек был Представителем семьи Альвериан в Секторе-4, одной из влиятельнейших семей в человеческом домене, Торн Альвериан. У него были огненно-рыжие волосы, которые каскадом ниспадали на лоб, обрамляя его лицо дико и неукротимо. Частично скрывая его взгляд, волосы, казалось, усиливали интенсивность его сапфировых глаз, которые пронзали завесу неопределенности своей острой проницательностью.

Хотя Равенстайны создавали свою репутацию на поле боя, Альверианы формировали свое владычество с помощью таинственного и непостижимого искусства алхимии. В своих секретных анклавах и хорошо охраняемых лабораториях они управляли самой сущностью элементов, чтобы создавать зелья невообразимой силы.

Литературно-естественный текст:

Сии эликсиры, и дивные, и коварные, стали жизненной силой королевства, безмолвной мощью, укрепляющей воинов и дарующей им преимущество, способное переломить ход любого сражения. Пока Равенстейны собирают силы для битвы, Альверийцы оказывают влияние на рынках, их хватка в алхимической торговле крепка и непоколебима.

Когда Торн неустанно трудился, сосредоточенный и непоколебимый, в комнату вошла женщина. Она наблюдала за ним издали, безмолвное присутствие, не нарушавшее его скрупулезный процесс. Четыре часа прошли в почти медитативной тишине, терпение женщины было очевидно, пока она терпеливо ждала его внимания.

Наконец, завершив последние штрихи своей микстуры, мужчина взглянул вверх и заметил стоящую там женщину. Брови его слегка нахмурились от удивления, и он прочистил горло перед тем, как заговорить: "Что вы хотите?"

Перевод на русский язык:

Эти эликсиры, как чудесные, так и опасные, стали жизненной силой королевства, скрытой силой, поддерживающей воинов и дарующей им преимущества, которые могут изменить исход любого конфликта. Пока Равенштейны собирают силы для битвы, Альверийцы оказывают свое влияние на рынках, их хватка в алхимической торговле тверда и непреклонна. {n/-O)/V./e()L-)b-/1/-n}

Пока Торн усердно работал, не отрывая своего внимания, в комнату вошла женщина. Она наблюдала за ним издалека, молчаливо присутствуя, не желая нарушать его кропотливый процесс. Четыре часа прошли в почти медитативной тишине, терпение женщины было очевидным, поскольку она терпеливо ждала его внимания.

Наконец, закончив последние штрихи своего зелья, мужчина поднял глаза и заметил стоящую там женщину. Брови его слегка нахмурились от легкого удивления, и он прочистил горло перед тем, как заговорить: "Что вам угодно?"

Голос женщины был почтительным и лаконичным, когда она доложила: "Равенстайны объявили войну ордену Обсидиана".

Выражение лица мужчины изменилось. "Это доставит массу проблем," - пробормотал он, - "Эти безумцы могут принести массу разрушений, если их не остановить."

Его слова повисли в воздухе, и женщина понимающе кивнула. Затем мужчина жестом приказал ей уйти, вновь переключая свое внимание на инструменты и зелья. С почтительным поклоном женщина повернулась и вышла из комнаты, оставив Торна в одиночестве и раздумьях.

***

В зале, залитом пламенным светом свежевыкованного металла, сидел в угрюмом созерцании мужчина. Его смоляные волосы обрамляли лицо, контрастируя с загорелым цветом кожи.

Его мускулы, упругие и неколебимые, вились под кожей подобно стальным канатам, свидетельствуя о его силе и выносливости. Он был внушительной фигурой, сама его аура дышала властью. Этот человек - воплощение семейства Эмберфорж в Секторе-2, одного из великих домов человечества, Гаврик Эмберфорж.

Семейство Эмберфорж имеет глубокие корни в ремесле и инновациях. Их искусные мастера создают сложные и чарующие творения. С неукоснительным вниманием к деталям

Эмберфоржи производят артефакты, которые так же прекрасны, как и функциональны, от зачарованного оружия до изысканных безделушек, вплетающих магию в ткань повседневной жизни. Они являются движущей силой технического прогресса человечества.

Перед ним, как в центре его внимания, покоился кусок металла, мерцающий потусторонней силой. Если бы кто-то присмотрелся, он бы заметил, что это металл - дарамитовый корнеум, в 10 миллионов раз прочнее алмаза.

Взгляд его был прикован к металлу, будто он искал разгадку тайны. В его пристальном взоре была глубина, поиск понимания, выходящего за пределы физического мира.

В комнату вошло присутствие, почтительно поклонившись человеку, сидевшему перед внушающим благоговение металлом. Когда пришедший передал послание, взгляд мужчины неохотно переместился с металла на гонца. Его окружала аура власти, а в воздухе повисло леденящее молчание, свидетельствующее о силе, которой он обладал, и о серьезности его внимания.

После сообщения мужчина отпустил гонца едва заметным кивком. Его выражение лица оставалось неизменным — это была маска спокойного размышления, не выдававшая никаких эмоций. Его внимание снова вернулся к пылающему металлу, его мысли — лабиринт возможностей и планов, постижимых только ему одному.

Across the sprawling expanse of the human domain, whispers of uncertainty and concern swept through the distinguished families like a chilling wind. The news of the Ravenstein family's declaration of war against the Obsidian Order reverberated through family halls, opulent chambers, and secluded estates alike, leaving an indelible mark of trepidation in its wake.

Atticus approached the garden where Anastasia and Freya were drinking tea. A week had passed since Ariel's tragic demise. Amidst the gentle symphony of rustling leaves and fragrant blooms, he spotted the two women. A hint of warmth infused his voice as he greeted them.

"Good morning, Mother. Grandmother," he uttered with respect.

Anastasia's lips curved into a fond smile as she looked up from her teacup. "My dear boy, what brings you here?" she inquired.

Freya, too, turned her gaze towards Atticus, wondering at his uncharacteristic presence. He typically confined himself to his room, engaged in enigmatic pursuits. His rare forays into the public eye were usually prompted by Anastasia's insistence.

***

На необъятных просторах человеческих владений по знатным семействам, словно ледяной ветер, пронеслись шепоты беспокойства и неуверенности. Сквозь домовые залы, шикарные залы и всем скрытые владения прокатилась весть о том, что семья Равенштейна объявила войну Ордену Обсидиана, оставив в своей след нестираемый отпечаток тревоги.

Аттикус направлялся в сад, где попивали чай Анастасия и Фрея. Прошла уже неделя после смерти Ариэль. И там, среди хрупкого симфонического шелеста листьев и благоухания цветущих бутонов, он увидел их. Аттикус подошёл и поздоровался.

«Доброе утро, мама. Бабушка», — предложил он, наполняя свои слова теплом.

Губы Анастасии слегка приподнялись, выстроив нежную улыбку, когда она оторвалась от своей чашечки чая. «Ах, солнышко, — спросила она. — Что ты тут делаешь?»

Фрея тоже взглянула на Аттикуса, пытаясь разгадать, зачем он здесь. Он всегда сидел в своей комнате, занимаясь неизвестно чем. Он никогда не приходит ни к кому сам, если только Анастасия его не заставит.

Литературный и естественный текст:

Заняв место рядом с ними, он прочистил горло и произнес: "Мама, я не могу ждать год. Пожалуйста, позволь мне научиться сражаться сейчас".

Он обдумал это и решил, что приобретение силы не может откладываться. "Жизнь полна неопределенностей, и чем ты сильнее, тем больше у тебя шансов", - думал Аттикус.

Взгляд Анастасии застыл на нем, и в воздухе повисло мгновение созерцательной тишины. Затем, к удивлению Аттикуса, улыбка озарила ее лицо, и она кивнула: "Хорошо, Ат. Я согласна".

Его брови нахмурились от изумления: "Ты... ты согласна?"

Глаза Анастасии заискрились новой решимостью: "Да. Я поняла, что в этом мире каждый может оказаться уязвимым, независимо от того, насколько он защищен. По-настоящему важна твоя собственная сила".

Она протянула руку и взяла его в свою: "Обещай, что ты будешь осторожен. Иди шаг за шагом".

Аттикус расплылся в улыбке благодарности: "Спасибо, мама. Обещаю".

Он поцеловал ее и Фрею в щеки и вышел из сада.

Перевод на русский:

Он удобно расположился рядом с ними. Прочистив горло, заговорил: «Мама, я не могу ждать целый год. Пожалуйста, позволь мне научиться сражаться уже сейчас».

Он долго думал над этим и решил, что нельзя откладывать путь к обретению силы. «Жизнь полна неопределенностей, и чем сильнее ты будешь, тем больше у тебя шансов», – рассуждал Аттикус.

Взгляд Анастасии устремился на него, в воздухе повисла пауза напряжённого молчания. Затем, к удивлению Аттикуса, улыбка озарила её лицо, и она кивнула. «Ладно, Ат, я согласна».

Его брови удивлённо взметнулись: «Ты… Ты согласна?»

Глаза Анастасии заблестели с новой решимостью. «Да. Я поняла, что в нашем мире каждый может быть подвержен опасности, вне зависимости от той защиты, что его окружает. Истинно ценна твоя собственная сила».

Она протянула руку и взяла его в свою. «Но пообещай мне, что будешь осторожен. И делай всё постепенно, шаг за шагом».

Аттикус торжественно улыбнулся в знак благодарности. «Спасибо, мама. Обещаю».

Он поцеловал её и Фрейю в щёки и вышел из сада.

Когда Аттикус ушёл, взгляд Анастасии скользнул по лицу Фрейи, и в воздухе повисла невысказанная тяжесть общей скорби. "Как ты, Фрейя?" - спросила она.

Выражение лица Фрейи смягчилось, а голос принёс с собой отголоски былого горя. "Видеть смерть собственного dziecka перед собой, должно быть, самая невыносимая боль, которую только может перенести родитель".

Между ними проскользнуло мрачное понимание, а потом вокруг Фрейи внезапно вспыхнула аура. Аура неоспоримой силы ранга Грандмастера. "Орден обсидиана будет стёрт с лица земли, чего бы это ни стоило", - пробормотала она.

http://tl.rulate.ru/book/4216/125848